

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)
Б79

John Bolton
The Room Where It Happened: A White House Memoir

Simon & Schuster, New York 2020

Болтон, Джон.
Б79 Центр принятия решений. Мемуары из Белого дома / Джон Болтон ; [перевод с английского В. К. Мзареулова]. — Москва : Родина, 2023. — 336 с.

ISBN 978-5-00180-824-4

Джон Болтон, бывший советник президента США по национальной безопасности и посол США в ООН, умеет приводить в бешенство — как американский истеблишмент, так и своих политических и идейных противников по всему миру. Кто-то называет его настоящим республиканцем и другом свободы, другие — лжецом и предателем. В книге одного из негласных вождей «партии войны» в руководстве США обнажаются скрытые причины виражей и зигзагов внешней политики Вашингтона в годы президентства Дональда Трампа. Откровенные мемуары о сложных переговорах по Украине, ядерному оружию, сферам влияния, вмешательству во внутренние дела и прочим болезненным темам с Путиным, Си Цзиньпином, Ким Чен Ыном и другими игроками мировой «премьер-лиги».

**УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)**

© **Болтон Дж., 2022**
© **Мзареулов В.К., перевод
на русский язык, 2023**
© **ООО «Издательство Родина», 2023**

ISBN 978-5-00180-824-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наблюдение за новостями из мира международной политики в последние годы может вызвать у зрителя впечатление, что Соединенные Штаты Америки объявили новую «холодную войну» буквально всему миру. Автор этой книги — один из ястребов американского республиканского истеблишмента Джон Роберт Болтон II, на протяжении примерно полутора лет занимавший пост помощника президента США Дональда Трампа по национальной безопасности — в своих мемуарах откровенно и не скупясь на краски описывает эту войну так, как она виделась из вашингтонского центра принятия решений.

Конечно, главными врагами Америки назначены Россия и Китай. Немалое внимание уделено и региональным державам, отказавшимся покориться заокеанскому диктату — таким как КНДР, Иран и Сирия.

Однако красной нитью через повествование проходит еще одна тема: борьба Америки против... самой же Америки. Борьба Америки — мирового жандарма и гегемона над миром, за которую отчаянно ратует автор, против Америки — просто богатой и успешной страны, желающей лишь хранить и преумножать свое богатство, не ущемляя при этом интересов других стран. Америки Дональда Трампа.

При взгляде со стороны, критика Трампа в американских СМИ кажется отражением борьбы демократической и республиканской партий. Однако Болтон — республиканец, как и Трамп. По книге очень хорошо видно, что его ни в малейшей степени не волнуют обвинения Трампа в расизме, сексизме, недостаточном почтении к сексуальным меньшинствам и тому подобных смертных грехах современного западного общества. Автор и сам примерно такой же. Важно то, что здесь сталкиваются взгляд через призму геополитических интересов (в принципе отсутствующих в

картине мира бизнесмена Трампа) и взгляд через призму интересов экономических (так же чуждых империалисту Болтону).

Трамп на страницах книги выглядит то самодуром, то наивным дурачком, но неизменно эксцентричным. Рискнем предположить, что «глупость» и метания из стороны в сторону, которую Трамп по мнению Болтона проявляет в общении с В.В.Путиным, Си Цзиньпином или Ким Чен Ыном в действительности больше похожа на хорошо продуманную тактику ведения деловых переговоров, свойственную хорошему бизнесмену. Проще говоря — торг. Вообще, обращает на себя внимание, что к политическим процессам Трамп как правило подходит как к сделкам и описывает в соответствующей понятийной системе.

Возникает резонный вопрос — а нужно ли это копание в малозначимых деталях и мотивах, порожденных специфической заокеанской психологией российскому читателю? Но не стоит забывать, что вряд ли Трамп навсегда ушел с политической арены после объявления о его поражении на выборах в 2020 году. И уж тем более остается значимым фактором порожденный им трампизм. Поэтому дальнейшие его перспективы будут иметь значение не только для американцев — но и для всего мира, ставшего объектом американской внешней политики. А значит и для нас, как для традиционного противника США.

Остается сказать несколько слов о переводе. Оригинальное название — «The Room Where It Happened» (Комната, в которой это произошло) — является отсылкой к песне из популярного американского политического мюзикла «Гамильтон» «The Room Where It Happens» (Комната, в которой это происходит). Эта параллель может быть непонятна русскому читателю.

ГЛАВА 1. Долгий путь к угловому кабинету в Западном Крыле

Одним из преимуществ работы советником по национальной безопасности является огромное количество и объем проблем, с которыми вы сталкиваетесь. Если вы не любите суматоху, неопределенность и риск — и все это при постоянном перенасыщении информацией, принятием решений и огромным объемом работы, а также при неопиаемых международных и внутренних конфликтах личности и эго — попробуйте что-нибудь другое. Это волнующе, но почти невозможно объяснить посторонним, как части процесса стыкуются друг с другом и почему они часто не складываются в связный процесс.

Я не могу предложить всеобъемлющую теорию трансформации администрации Трампа, потому что ни одна из них невозможна. Однако общепринятая в Вашингтоне точка зрения на траекторию эволюции Трампа неверна. Эта общепринятая истина, привлекательная для интеллектуально ленивых, заключается в том, что Трамп всегда был со странностями, но поначалу, в первые пятнадцать месяцев своего президентства, неуверенный в своем новом месте и сдерживаемый “осью взрослых”, он не решался действовать. Однако с течением времени Трамп стал более уверенным в себе, ось взрослых теряла свои позиции, все развалилось, и Трампа окружали только люди типа «чего изволите».

Отчасти эта гипотеза верна, но общая картина упрощена. Ось взрослых во многих отношениях вызвала непреходящие проблемы не потому, что они успешно справились с Трампом, как говорят Возвышенные (подходящее описание, которое я взял у французов для тех, кто считает себя нашими моральными лидерами), а потому, что они поступили с точностью до наоборот. Они сделали недостаточно, чтобы навести порядок, и то, что они сделали, делалось с

настолько явными корыстными мотивами и настолько публично пренебрегало многими очень четкими целями Трампа (достойными или недостойными), что они подпитывали и без того подозрительное мышление Трампа, затрудняя для тех, кто пришел позже, законный политический обмен с президентом. Я давно понял, что роль советника по национальной безопасности заключалась в том, чтобы убедиться, что президент понимает, какие у него есть варианты для любого решения, которое ему нужно принять, а затем убедиться, что это решение было выполнено соответствующими бюрократическими органами. Стиль работы Совета национальной безопасности, несомненно, будет отличаться для разных президентов, но в любом случае, перечисленное являлось важнейшими целями, которых должен был достичь процесс.

Однако, поскольку «ось взрослых» так плохо послужила Трампу, он стал выискивать двойное дно в своем окружении, видеть заговоры за каждым камнем и в результате остался потрясающе невежественным о том, как управлять Белым домом, не говоря уже об огромном федеральном правительстве. «Ось взрослых» не несет полной ответственности за такое мышление. Трамп есть Трамп. Я понял, что он верил, что может управлять исполнительной властью и определять политику национальной безопасности, инстинктивно, полагаясь на личные отношения с иностранными лидерами и всегда ставя на первое место шоу, созданное для телевидения. Сейчас инстинкт, личные отношения и умение показать себя — это элементы репертуара любого президента. Но это далеко не все, даже с большой натяжкой. Анализ, планирование, интеллектуальная дисциплина и строгость, оценка результатов, коррекция курса и тому подобное стоят на пути принятия президентских решений, являясь неприглядной стороной работы. Показуха уводит вас далеко.

Таким образом, с институциональной точки зрения нельзя отрицать, что приход Трампа и первые год с лишним были безвозвратно испорчены. Процессы, которые

должны были немедленно стать второй натурой, особенно для многих советников Трампа, не имевших опыта работы даже на младших должностях в исполнительной власти, так и не произошли. Трамп и большая часть его команды никогда не читали «инструкции по управлению государством», возможно, не понимая, что это автоматически не сделает их членами «глубинного государства». Я вошел в существующий хаос, видя проблемы, которые могли быть решены в первые сто дней администрации, если не раньше. Постоянная текучесть кадров, очевидно, не помогла, как и укоренившийся в Белом Доме гоббсовский¹ принцип *bellum omnium contra omnes* («война всех против всех»). Возможно, это и преувеличение сказать, что описание Гоббсом человеческого существования как «одинокое, бедное, отвратительное, жестокое и короткое» точно описывает жизнь в Белом доме, но к концу срока их полномочий многие ключевые советники склонялись именно к этому. Как я уже объяснял в своей книге, «Капитуляция — не вариант», мой подход к выполнению задач в правительстве всегда заключался в том, чтобы как можно больше узнать о бюрократии, в которой я служил (Госдепартамент, Департамент юстиции, Агентство США по международному развитию), чтобы я мог легче достигать своих целей.

Моей целью было не получить карточку члена элитного клуба, а получить водительские права. Такое мышление не было распространено в Белом доме при Трампе. Во время первых посещений Западного крыла различия между этим президентством и предыдущими, в которых я работал, были ошеломляющими. То, как решался конкретный вопрос, часто имело мало общего с тем, что происходило завтра или послезавтра. Казалось, мало кто осознавал это, заботился об этом или был заинтересован в его исправлении. И не было никаких признаков улучшения этого поло-

¹ Томас Гоббс (1588 — 1679) — английский философ, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета (*Прим.ред.*)

жения, к каковому удручающему, но неизбежному выводу я пришел только после того, как присоединился к администрации.

* * *

Бывший сенатор от штата Невада Пол Лаксалт, мой наставник, любил говорить: “В политике не бывает безупречных концепций”. Это понимание убедительно объясняет назначения на очень высокие должности в исполнительной власти. Несмотря на частые реплики в прессе типа “Я был очень удивлен, когда президент Смит позвонил мне...”, такие выражения невинности всегда лишь случайно связаны с правдой. И никогда конкуренция за рабочие места высокого уровня не была более острой, чем во время “президентского транзита”, изобретения США, которое в последние десятилетия становится все более изощренным. Команды переходного периода предоставляют хорошие тематические исследования для выпускников бизнес-школ о том, как не надо заниматься бизнесом. Они приходят на строго определенный, мимолетный период от выборов до инаугурации, чтобы затем кануть в небытие навсегда. На них обрушиваются ураганы поступающей информации (и дезинформации!); сложный, часто противоречивый анализ стратегии и политики; множество важных кадровых решений для реального правительства; пристальное внимание и давление со стороны СМИ и заинтересованных групп.

Бесспорно, некоторые транзиты успешнее, чем другие. То, как они разворачиваются, многое говорит о будущей администрации. Транзит Ричарда Никсона в 1968-69 годах был первым примером современных транзитов, с тщательным анализом каждого крупного ведомства исполнительной власти. Транзит Рональда Рейгана в 1980-81 годах стал вехой в следовании принципу “Кадры — это политика”, сосредоточенный на выборе людей, которые будут придерживаться платформы Рейгана. Транзит Дональда Трампа в 2016-17 годах был... Ну, это был Дональд Трамп.

Я провел ночь выборов, 8-9 ноября 2016 года, в студии «Фокс Ньюс» на Манхэттене, ожидая возможности прокомментировать в эфире приоритеты внешней политики “следующего президента”, которые, как все ожидали, произойдут в десять вечера, сразу после объявления победы Хиллари Клинтон. Я, наконец, вышел в эфир около трех часов следующего утра. Так много времени для заблаговременного планирования, не только в «Фокс», но и в лагере избранного президента. Мало кто из наблюдателей верил, что Трамп победит, и, как и в случае с провальной кампанией Роберта Доула против Билла Клинтона в 1996 году, предвыборная подготовка Трампа была скромной, отражающей надвигающуюся гибель. По сравнению с операцией Хиллари, которая напоминала большую армию на марше, силы Трампа, казалось, состояла из всего из нескольких сильных душ, у которых зато было время. Таким образом, его кампания была не готова к неожиданной победе, что привело к немедленным столкновениям с волонтерами переходного транзита и списанию почти всей предвыборной продукции. Начинать все сначала 9 ноября было вряд ли благоприятно, особенно с учетом того, что основная часть переходного персонала находится в Вашингтоне, а Трамп и его ближайшие помощники работали в Башне Трампа на Манхэттене. До победы Трамп вообще не понимал многого из того, что делал огромный федеральный бегемот, и он мало прибавил знаний (если вообще прибавил) за время транзита, что не предвещало ничего хорошего для его работы на посту.

Я сыграл незначительную роль в кампании Трампа, за исключением одной встречи с кандидатом в пятницу утром, 23 сентября, в Башне Трампа, за три дня до его первых дебатов с Клинтон. Хиллари и Билл учились на год раньше меня в юридической школе в Йеле, поэтому, в дополнение к обсуждению национальной безопасности, я предложил Трампу свои мысли о тактике выступления Хиллари: она будет хорошо подготовленной и продуманной, следуя заранее заготовленному плану, несмотря ни на что. Она не

изменилась за сорок с лишним лет. Трамп тоже был таким же, как и на нашей первой встрече в 2014 году, до выдвижения своей кандидатуры. Когда мы закончили, он сказал:

— Вы знаете, ваши взгляды и мои на самом деле очень близки. Очень близки.

На тот момент я был широко вовлечен в самую разнообразную деятельность: старший научный сотрудник Американского института предпринимательства, корреспондент «Фокс Ньюс», постоянный участник выступлений, юрисконсульт крупной юридической фирмы, член корпоративных советов, старший советник глобальной частной инвестиционной компании, и автор еженедельных колонок. В конце 2013 года я сформировал комитет и суперкомитет политической активности для помощи кандидатам на выборах в Палату представителей и Сенат, которые верили в сильную политику национальной безопасности США, распределяя сотни тысяч долларов непосредственно кандидатам и тратя миллионы на независимые расходы в кампаниях 2014 и 2016 годов, и готовился сделать это снова в 2018 году. У меня было полно дел. Но я также служил в последних трех Республиканских администрациях, а международные отношения интересовали меня еще со времен учебы в Йельском университете. Я был готов снова вступить в игру.

Новые угрозы и новые возможности стремительно надвигались на нас, и восемь лет правления Барака Обамы означали, что многое нужно исправлять. Я долго и упорно думал о национальной безопасности Америки в бурном мире: Россия и Китай на стратегическом уровне; Иран, Северная Корея и другие страны-изгои, претендовавшие на обладание ядерным оружием, нарастающие угрозы радикального исламистского терроризма на беспокойном Ближнем Востоке (Сирия, Ливан, Ирак и Йемен), ситуация в Афганистане и за его пределами; и угрозы в нашем собственном полушарии, такие как Куба, Венесуэла и Никарагуа. Хотя во внешней политике ярлыки могут быть полезны только для интеллектуально ленивых, мне нравилось

говорить, что моя позиция “проамериканская”. Я следовал Адаму Смиту¹ в экономике, Эдмунду Берку² в общественной жизни, «Запискам федералиста»³ в вопросах о значении правительстве и синтезу взглядов Дина Ачесона⁴ и Джона Фостера Даллеса⁵ на вопросы национальной безопасности. Моя первая политическая кампания состоялась в 1964 году от имени Барри Голдуотера⁶.

По совместной работе в прошлом я был знаком с высокопоставленными участникам предвыборного штаба Трампа, такими как Стив Бэннон, Дэйв Босси и Келлиэнн Конвей, и в разговорах с ними заходила речь о том, что мне могло бы найтись место в администрации Трампа. Как только начался период транзита, я счел разумным предложить свои услуги в качестве государственного секретаря, как это сделали другие. Когда Крис Уоллес вышел со съемочной площадки «Фокс» рано утром 9 ноября, после объявления результатов гонки, он пожал мне руку и сказал, широко улыбаясь: “Поздравляю, господин госсекретарь”. Конечно, не было недостатка в претендентах на пост главы Госдепартамента, что породило бесконечные спекуляции в СМИ: сперва наиболее вероятным кандидатом был Ньюта Гингрич, затем Руди Джулиани, Митт Ромни и снова Руди. Я работал с каждым из них, уважал их, и каждый по-своему заслу-

¹ Адам Смит (1723 — 1790) — шотландский экономист и философ-этик, один из основоположников экономической теории как науки. Считается основателем классической политэкономии. (прим.ред.)

² Эдмунд Берк (1729 — 1797) — публицист эпохи Просвещения, родоначальник идеологии консерватизма. Был членом Палаты общин британского парламента в 1766 — 1794 годах (прим.ред.)

³ Записки федералиста (1787 — 1788) — сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США (прим.ред.)

⁴ Дин Ачесон (1893 — 1971) — Госсекретарь США в 1949 — 1953 годах (прим.ред.)

⁵ Джон Фостер Даллес (1888 — 1959) — Госсекретарь США в 1953 — 1959 годах (прим.ред.)

⁶ Барри Голдуотер (1909 — 1998) — ультраправый политик, выдвигавшийся в кандидат в президенты от Республиканской партии на праймериз 1964 года (прим.ред.)

живал доверия. Я уделяю этому особое внимание, потому что в то время шла постоянная болтовня (и даже давление на меня), что я должен удовлетвориться должностью заместителя Госсекретаря, что меня никак не устраивало. То, что произошло дальше, продемонстрировало трамповский стиль принятия решений Трампом и дало (или должно было дать) поучительный урок.

В то время как все ранние “главные претенденты” придерживались в целом консервативной идеологии, они несли с собой разное прошлое, разные взгляды, разные стили, разные плюсы и минусы. Были ли среди этих вариантов (и других, таких как сенатор от Теннесси Боб Коркер и бывший губернатор Юты Джон Хантсман) общие, последовательные качества и достижения, к которым стремился Трамп? Очевидно, что нет, и наблюдатели должны были спросить: каков реальный принцип, управляющий процессом отбора персонала Трампом? Почему бы не назначить Джулиани генеральным прокурором, для чего он как будто был создан? Или назначить Ромни, который доказал свои неоспоримые способности к стратегическому планированию и управленческие навыки, главой администрации Белого дома? И сделать Гингрича, с его десятилетиями творческого теоретизирования, царем внутренней политики Белого дома?

Искал ли Трамп только людей из “центрального кастинга”? Много говорилось о его предполагаемой неприязни к моим усам. Как бы то ни было, он сказал мне, что это никогда не было фактором, отметив, что у его отца тоже были усы. Кроме психиатров и тех, кто глубоко интересуется Зигмундом Фрейдом, к которым я, безусловно, не отношусь, я действительно не верю, что моя внешность сыграла роль в мышлении Трампа. Но если дело действительно в усах — Боже, помоги стране. Привлекательные женщины, однако, попадают в другую категорию, когда речь заходит о Трампе. Лояльность была ключевым фактором, который Джулиани доказал вне всяких сомнений в течение нескольких дней после того, как лента «Аццесс Голивуд» стала достоя-

нием общественности в начале октября. Как сообщается, Линдон Джонсон однажды сказал о своем помощнике: “Я хочу настоящей преданности. Я хочу, чтобы он поцеловал меня в задницу в полдень и сказал мне, что она пахнет розами”. Кто бы мог подумать, что Трамп так много читал об истории? Позже Джулиани был чрезвычайно любезен со мной и после того, как он вышел из схватки за кресло госсекретарем он говорил: “Я бы выбрал Джона. Я думаю, что Джон потрясающий”.

Избранный президент позвонил мне 17 ноября, и я поздравил его с победой. Он рассказал о своих недавних разговорах с Владимиром Путиным и Си Цзиньпином и выразил надежду на встречу во второй половине дня с премьер-министром Японии Синдзо Абэ.

— Мы пригласим вас сюда в ближайшие пару дней, — пообещал Трамп, — и мы рассчитываем на вас в ряде ситуаций.

Некоторые из первых кадровых решений появились на следующий день, когда генеральным прокурором был назначен Джефф Сешнс (вычеркиваем Джулиани), советником по национальной безопасности — Майк Флинн (вознаграждая его неустанную службу во время предвыборной кампании) и директором ЦРУ — Майк Помпео. (Через несколько недель после объявления о назначении Флинна Генри Киссинджер сказал мне, что он уйдет в отставку в течение года. Хотя он не мог знать, что должно было произойти, Киссинджер отчетливо видел, что Флинн оказался не на своем месте). Шли дни, все больше членов Кабинета и высокопоставленных чиновников Белого дома появлялись публично, в том числе 23 ноября губернатор Южной Каролины Никки Хейли в качестве посла в ООН в ранге члена Кабинета — странный шаг, учитывая, что даже сам госсекретарь еще не был выбран. У Хейли не было квалификации для этой работы, но для человека с президентскими амбициями было идеально поставить галочку в графе “внешняя политика” в своем предвыборном резюме. В ранге члена кабинета или нет, посол в ООН был частью госу-

дарства, и последовательную внешнюю политику США может иметь только госсекретарь. Вот вам и Трамп, который выбирал подчиненных для формирования государственного микрокосма, даже не имея на примете госсекретаря. По определению, впереди были проблемы, особенно когда я услышал от сотрудника Хейли, что ее-то Трамп и считал госсекретарем. Хейли, по словам ее сотрудника, отклонила предложение из-за отсутствия опыта, который она, очевидно, надеялась приобрести в качестве посла в ООН.

Джаред Кушнер, с которым Пол Манафорт познакомил меня во время предвыборной кампании, позвонил мне на День благодарения. Он заверил меня, что я “все еще очень востребован” на пост госсекретаря, и “в целом ряде различных контекстов. Дональд — ваш большой поклонник, как и все мы”. Тем временем «Нью-Йорк Пост» сообщила о принятии решений в Ма-р-а-Лаго на День благодарения, цитируя один источник: “Дональд ходил и спрашивал всех, кого мог, о том, кто должен быть его госсекретарем. Было много критики в адрес Ромни, и многим людям нравился Руди. Есть также много людей, выступающих за Джона Болтона”. Я знал, что должен был усерднее работать в начальной школе Мар-а-Лаго! Конечно, я был благодарен за значительную поддержку, которую я имел среди про-израильски настроенных американцев (как евреев, так и евангелистов), сторонников второй поправки, американцев кубинского происхождения, венесуэльцев, тайваньцев и консерваторов в целом. Многие люди звонили Трампу и его советникам от моего имени, в рамках почтенного процесса лоббирования транзита.

Разраставшийся транзитный бардак все больше отражал не только организационные неудачи, но и основной стиль принятия решений Трампом. Чарльз Краутхаммер, его резкий критик, сказал мне, что ранее он ошибался, характеризуя поведение Трампа как поведение одиннадцатилетнего мальчика.

— Я прибавил ему десять лет, — заметил Краутхаммер — Он как годовалый ребенок. Все рассматривается через призму того, приносит ли это пользу Дональду Трампу.

Именно так процесс подбора персонала выглядел со стороны. Как сказал мне один республиканский стратег, лучший способ стать госсекретарем — “попытаться остаться последним, кто останется в списке”.

Избранный вице-президент Пенс позвонил мне 29 ноября, чтобы попросить о встрече в Вашингтоне на следующий день. Я знал Пенса по его работе в Комитете Палаты представителей по иностранным делам. Он был твердым сторонником сильной политики национальной безопасности. Мы легко поговорили о ряде вопросов внешней и оборонной политики, но я был поражен, когда он сказал о Госдепартаменте: “Я бы не назвал это решение неизбежным”. Учитывая последующие сообщения прессы о том, что Джулиани снял свою кандидатуру на пост госсекретаря примерно в то время, возможно, весь процесс отбора на госдепартамент нужно было начинать сначала. Почти наверняка беспрецедентное развитие событий, так далеко зашедшее за время транзита.

Когда я прибыл в офис транзитной команды на следующий день, член палаты представителей Джеб Хенсарлинг уходил после встречи с Пенсом. Сообщалось, что Хенсарлинг был настолько уверен в том, что ему достанется пост главы казначейства, что уже дал своим сотрудникам указание начать планирование. То, что его не назвали, совпало с открытием члена палаты представителей Кэти Мак Моррис Роджерс о том, что министром внутренних дел будет не она (после того, как ей пообещали этот пост), а также с тем, что бывший сенатор Скотт Браун узнал, что он не станет министром по делам ветеранов. Картина была ясной. У нас с Пенсом состоялась дружеская получасовая беседа, в ходе которой я процитировал (как неоднократно цитировал Трампу), знаменитое высказывание Ачесона, когда его спросили, почему у него и президента Трумэна были такие превосходные рабочие отношения: “Я никогда не забывал, кто был президентом, а кто госсекретарем. И он тоже.”

Трамп объявил Джима Мэттиса министром обороны 1 декабря, но неопределенность в отношении Госдепарта-

мента продолжалась. На следующий день я прибыл в Башню Трампа на собеседование и ждал в вестибюле, где также ждали генеральный прокурор штата и сенатор США. К сожалению, избранный президент отставал от графика. Наконец из его кабинета вышел никто иной как бывший министр обороны Боб Гейтс. Позже я предположил, что Гейтс лоббировал кандидатуру Рекса Тиллерсона на пост министра энергетики или госсекретаря, но тогда он не проронил ни слова о цели своего визита — мы просто обменялись любезностями, когда он уходил. Итак, я вошел в кабинет Трампа на встречу, длившуюся чуть более часа, на которой также присутствовал Рейнс Прибус (вскоре станет начальником персонала Белого дома) и Бэннон (будущий главный стратег администрации). Мы говорили о горячих точках мира, более широких стратегических угрозах, таких как Россия и Китай, терроризм и распространение ядерного оружия. Я опять начал с байки о Дине Ачесоне, а затем, в отличие от моих предыдущих встреч с Трампом, больше отвечал на вопросы других. Я думал, что Трамп внимательно слушал: он не отвлекался на телефон и нас не прерывали, пока не вошла Иванка Трамп, чтобы обсудить семейные дела или, возможно, попытаться вернуть Трампа к расписанию.

Я описывал, почему госдепартаменту нужна культурная революция, чтобы стать эффективным инструментом политики, когда Трамп спросил:

— Сейчас мы обсуждаем здесь должность госсекретаря, но не могли бы вы рассмотреть должность заместителя?

Я сказал, что не буду, объяснив, что госдепартаментом нельзя успешно управлять с такого уровня. Более того, мне было бы неловко работать на человека, который будет знать, что я был его соперником в борьбе за должность, и который мог постоянно задаваться вопросом, нужен ли ему дегустатор. Когда встреча закончилась, Трамп пожал мне руку обоими руками и сказал: “Я уверен, что мы сработаемся”.

Позже, в небольшом конференц -зале Прибус, Бэннон и я провели совещание. Оба они сказали, что встреча прошла “чрезвычайно хорошо”, и Бэннон сказал, что Трамп “никогда раньше не слышал ничего подобного” с точки зрения масштабов и деталей обсуждения. Тем не менее, они настаивали на том, чтобы я стал заместителем госсекретаря — явный знак, что они не уверены в выборе моей кандидатуры. Я снова объяснил, почему идея депутата неосуществима. На следующий день я узнал, что Трамп будет проводить собеседование с Тиллерсоном на эту должность. Тогда я впервые услышал, как в этом контексте прозвучало имя Тиллерсона — вероятно это и объясняло, почему Прибус и Бэннон предлагали мне пост заместителя. Ни Трамп, ни другие не поднимали вопрос о утверждении Сенатом. Большинство кандидатов Трампа могут ожидать значительной или даже единодушной демократической оппозиции. Известные изоляционистские взгляды Рэнда Пола означали, что он будет для меня проблемой, но несколько сенаторов-республиканцев (в том числе Джон Маккейн, Линдси Грэм и Кори Гарднер) сказали мне, что его оппозиция будет преодолена. Тем не менее, после той встречи Трамп хранил молчание, убеждая меня, что я останусь частным гражданином.

Однако выдвижение кандидатуры Тиллерсона 13 декабря только вызвало новую волну спекуляций (за и против) о моем назначении заместителем. Один советник Трампа подбодрил меня, сказав: “Через 15 месяцев ты будешь госсекретарем. Они знают его ограничения”. Одним из таких ограничений были отношения Тиллерсона за годы его работы в «ЭксонМобил» с Владимиром Путиным и Россией, как раз в то время, когда Трамп подвергался неуклонно растущей критике за “сговор” с Москвой против Клинтон. В то время как Трамп в конечном итоге был оправдан по обвинению в сговоре, его защитная реакция умышленно игнорировала или отрицала, что Россия глобально вмешивалась в американские и многие другие выборы, а также в общественно-политические дебаты в более широком

смысле. Другие противники, такие как Китай, Иран и Северная Корея, также вмешивались. В тогдашних комментариях я подчеркивал серьезность иностранного вмешательства в нашу политику. Маккейн поблагодарил меня в начале января, сказав, что я “принципиальный человек”, что, вероятно, не добавило бы у Трампа симпатий ко мне, если бы он узнал о таких комплиментах.

В Министерстве обороны также была суматоха из-за должности заместителя госсекретаря, поскольку Мэттис выдвинул кандидатуру чиновницы времен Обамы Мишель Флурной. Флурной, демократ, могла бы сама стать министром обороны, если бы победила Клинтон, и трудно было понять почему Мэттис хотел, чтобы она была в республиканской администрации. Впоследствии Мэттис также настаивал на том, чтобы Энн Паттерсон, кадровый сотрудник дипломатической службы, заняла важнейшую должность заместителя министра обороны по политике. Я несколько раз работал с Паттерсон и знал, что идеологически она подходит для высокой политической должности в либерально-демократической администрации, но вряд ли в республиканской. Сенатор Тед Круз расспрашивал Мэттиса о Паттерсоне, но Мэттис не смог или не захотел объяснить свои причины, и выдвижение кандидатуры под растущим противодействием сенаторов-республиканцев и других в конечном итоге провалилось. Вся эта суматоха заставила Грэма и других посоветовать мне держаться подальше от администрации в первые дни ее существования, что я нашел убедительным.

Какое-то время рассматривался вопрос о моем назначении директором национальной разведки, на должность которого в конце концов в начале января был назначен бывший сенатор Дэн Коутс. Я думал, что введение Конгрессом этого поста после терактов 11 сентября для лучшей координации разведывательного сообщества, было ошибкой. Это стало просто бюрократической надстройкой. За ликвидация или существенное сокращение этого аппарата я бы охотно взялся, но я быстро пришел к выводу, что сам

Трамп недостаточно в этом заинтересован, что неизбежно делало эту задачу сложной политически. Учитывая последовавшую длительную, почти иррациональную войну между Трампом и разведывательным сообществом, мне повезло, что работа директора не досталась мне. Итак, транзит Трампа закончился без видимой перспективы моей карьеры в администрации. Я рационально рассмотрел результат, придя к выводу, что если процесс принятия решений Трампом после инаугурации был таким же нетрадиционным и неустойчивым, как и его кадровый отбор, я бы лучше остался в стороне от этого кабинета. Если бы только можно было сказать это о стране...

* * *

Затем, менее чем через месяц пребывания в Администрации, Майк Флинн самоликвидировался. Все началось с критики Флинна за предполагаемые высказывания в адрес российского посла Сергея Кисляка, которого я хорошо знал — он был моим московским коллегой, когда я был заместителем госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности в администрации Буша. Критика резко усилилась, когда Флинн, по-видимому, солгал Пенсу и другим о разговоре с Кисляком. Я никогда не понимал, зачем Флинну лгать о невинном разговоре. То, что старшие помощники администрации, да и сам Трамп, рассказали мне несколько дней спустя, имело больше смысла, а именно, что они уже потеряли доверие к Флинну из-за его неадекватной работы (как и предсказывал Киссинджер), а “российский вопрос” был просто политически удобной историей прикрытия. Флинн подал в отставку поздно вечером 13 февраля, на следующий день после «Штурм унд Дранг» Белого дома и всего через несколько часов после того, как Келлиэнн Конвей, к несчастью, получила несправедливую и неудачную работу — сообщить ненасытной прессе, что Флинн пользуется полным доверием Трампа. Это само определение смятения и бардака.

Смятение и бардак, к сожалению, также были характерны для сотрудников СНБ в первые три недели работы администрации. Кадровый выбор был в беспорядке, поскольку директор ЦРУ Майк Помпео лично предпринял ошеломляющий, почти беспрецедентный шаг, отказав в допуске к “конфиденциальной информации” одному из кандидатов Флинна на должность старшего директора, на одну из высших должностей в СНБ. Отрицание этого критического допуска, как все знали, фактически лишило этого человека возможности работать в СНБ, что стало сильным ударом по Флинну. Он также столкнулся с бесчисленными битвами с карьерными чиновниками, подчиненными СНБ во время пребывания Обамы в должности, но, как обычно, оставались там, когда началось президентство Трампа. Из-за этих битв часто просачивались сообщения о бюрократической крови на полу в Белом доме и в административном здании Эйзенхауэра, огромном здании из серого гранита в викторианском стиле, расположенном напротив Вест-Экзекьютив авеню, в котором проживает основная часть сотрудников СНБ.

Аналогичным образом, по одному из ключевых вопросов кампании Трампа — пресечение нелегальной иммиграции — в первые дни Белый дом совершал одну ошибку за другой, пытаясь выработать исполнительные указы и политические директивы. Судебные проблемы были неизбежны, и было легко предсказать, что решения будут жарко оспариваться через суды, в которых за восьмилетнее правление Обамы господствовали демократические назначения. Но Белый дом полностью взял на себя первоначальные проблемы с иммиграцией, что свидетельствует об отсутствии подготовки к транзиту власти и внутренней координации. Кабель “канала несогласия” в Госдепартаменте, предназначенный для внутреннего использования, попал в Интернет, подписанный более чем тысячей сотрудников, критикующих иммиграционную инициативу. Пресса наслаждалась этим, хотя аргументы, которые писали в канлае, были слабыми, разрозненными и плохо обос-

нованными. Но каким-то образом кабель и аналогичные аргументы комментаторов СМИ и противников на Капитолийском Холме остались без ответа. Кто ответственный? Каков план?

Тиллерсон, как ни странно, позвонил через три дня после того, как Комитет Сената по международным отношениям одобрил его кандидатуру 23 января, вытащив меня с заседания корпоративного совета. Мы говорили в течение тридцати минут, в основном о организационных вопросах в его департаменте и о том, как работает процесс принятия межведомственных решений. Тиллерсон был любезен и профессионален, и совершенно не заинтересован в том, чтобы я был его заместителем. Конечно, будь я на его месте, я бы чувствовал то же самое. Позже Тиллерсон сказал Эллиоту Абрамсу, с которым он также считался, что ему нужен кто-то, кто будет работать за кулисами, поддерживая его, а не кто-то, кто привлеч внимание общественности, как я делал в качестве посла в ООН и как комментатор «Фокс». Тиллерсон спросил, интересуюсь ли я каким-либо постом в Госдепе, кроме поста заместителя. Я сказал «нет», так как у меня уже был опыт второго номера в работе в системе американской дипломатии — посла в ООН. Тиллерсон рассмеялся, и мы поговорили о часто напряженных отношениях между госсекретарями и послами в ООН. Было ясно, что он не пытался выяснить отношения с Хейли и что он понятия не имел, как справиться с этой бомбой замедленного действия.

Я беспокоился, что Тиллерсон затынет бюрократия Госдепартамента. Он проработал 41 год в «Эксоне» в среде, где были четкие показатели эффективности, отчеты о прибылях и убытках были жесткими контролерами, и где корпоративная культура вряд ли подвергалась революционным изменениям изнутри. После многих лет пребывания на вершине иерархии «Эксона» он привык считать, что все его подчиненные были в одной команде. Было бы замечательно, если бы оказавшись в кабинете госсекретаря на седьмом этаже он предположил что карьеристы в этом

здании на этажах ниже или разбросанных по всему миру отличались от знакомых ему. Именно из-за своего прошлого опыта, Тиллерсону следовало бы окружить себя людьми, знакомыми с сильными и слабыми сторонами иностранной и государственной служб, но он пошел совсем другим путем. Он не стремился ни к культурной революции (как сделал бы я), ни к следованию интересам ведомства, ни к контролю над бюрократией, не меняя ее коренным образом (как это сделал Джим Бейкер). Вместо этого он изолировал себя с несколькими доверенными помощниками и заплатил неизбежную цену.

Но после того, как карьера Флинна, справедливо или нет, рухнула и сгорела, должность советника по национальной безопасности, которую я ранее не рассматривал из-за близости Флинна к Трампу, теперь была вакантна. Пресса предположила, что преемником Флинна станет другой генерал, упомянув Дэвида Петреуса, Роберта Харвуда (адмирал в отставке, ныне сотрудник «Локхид», которого энергично лоббировал Мэттис) или Кита Келлога (давний сторонник Трампа, а ныне исполнительный секретарь СНБ). Тиллерсон, казалось, не интересовался этим вообще. Дурной знак — как потому, что он не был в курсе, так и потому, что он, похоже, не осознавал какими проблемами для него может обернуться получение этой должности в Белом доме союзником Мэттиса. Действительно, новостные сюжеты отмечали плохие позиции Тиллерсона в целом.

Бэннон написал мне в пятницу, 17 февраля, с просьбой приехать в Мар-а-Лаго¹, чтобы встретиться с Трампом в выходные по случаю Дня президента. В тот день Джо Скарборо из MSNBC написал в Твиттере:

Я решительно выступал против @AmbJohnBolton на пост ГосСек. Но бывший посол в ООН — это Томас Джефферсон в Париже по сравнению с Майклом Флинном.

В мире Трампа это может быть полезно. Во время праймериз в Мар-а-Лаго в те выходные гость сказал мне,

¹ Резиденция Д.Трампа во Флориде (прим.ред.)

что слышал, как Трамп несколько раз говорил: “Мне нравится по-настоящему нравиться Болтон”. Разве я раньше не пришел к выводу, что мне нужно усерднее работать с этой толпой? Трамп провел собеседование с тремя кандидатами: генерал-лейтенантом Х.Р.Мак Мастером, автором книги «Неисполнение служебных обязанностей» — превосходного исследования отношений между гражданскими и военными в Америке, генерал-лейтенантом Робертом Касленом, комендантом Вест-Пойнта¹ и мной. Я встречался и разговаривал с Макмастером много лет назад и восхищался его готовностью отстаивать противоречивые позиции. Впервые встретившись с Касленом, я увидел в нем представительного и очень компетентного чиновника. Оба были в парадной форме, сразу продемонстрировав свои маркетинговые навыки. Что касается меня, у меня все еще были усы.

Трамп тепло поприветствовал меня, сказав, как сильно он уважает меня и что он был рад видеть меня советником по национальной безопасности. Трамп также спросил, не рассмотрю ли я “должность как у Бэннона” (который также присутствовал в частном баре на первом этаже Мар-а-Лаго вместе с Прибусом и Кушнером), охватывающую стратегические вопросы. Таким образом, по-видимому, я мог стать одним из многих типичных “помощников президента”, которых и так было слишком много в Белом доме Трампа, с небрежным определением их ролей и обязанностей. Для меня это было полной неожиданностью, поэтому я вежливо отказался, сказав, что меня интересует только должность советника по национальной безопасности. Как Генри Киссинджер однажды по слухам, сказал: “Никогда не принимайте государственную работу без почтового ящика”.

Президент заверил меня, что у преемника Флинна будут развязаны руки в организационных и кадровых вопросах, которые, по моему мнению, необходимы для эффективного управления персоналом СНБ и межведомст-

¹ Высший военный колледж армии США (прим.ред.)

венным процессом. Мы рассмотрели весь спектр мировых проблем, *tour d'horizon*¹, как любят называть это Госдепартамент, и в какой-то момент Трамп вмешался:

— Это так здорово. Джон звучит так же, как и на телевидении. Я мог бы слушать и слушать. Мне это нравится.

Кушнер спросил:

— Как вы справляетесь с тем, что вы настолько противоречивы, что люди либо любят вас, либо ненавидят?

Я уже открыл рот, чтобы ответить, когда Трамп сказал:

— Да, прямо как я! Люди либо любят меня, либо ненавидят. Мы с Джоном два сапога пара.

Я добавил только об этом следует судить по результатам, перечисляя кое-что из того, что я считал своими внешнеполитическими достижениями. Встреча завершилась обсуждением России, поскольку Трамп сказал: “Я видел, как вы говорили на днях о проблеме РСМД”, имея в виду Договор о ядерных силах средней дальности с Россией. Затем он объяснил, почему так несправедливо, что никто кроме России и Америки (в частности Китай, Иран или Северная Корея), не ограничены в развитии возможностей средней дальности, и что русские нарушают договор. Это было почти в точности то, что я сказал, поэтому я не сомневался, что он все еще смотрел и поглощал «Фокс Ньюс»! Я предложил сказать Путину, чтобы он выполнял обязательства России по РСМД, или мы выйдем из договора, с чем Трамп согласился.

Мы с Бэнноном ушли вместе, Бэннон сказал: “Это было здорово”. Тем не менее, у меня сложилось четкое впечатление, что Трамп собирался выбрать генерала. Я вернулся в свой отель, и позже в тот же день Бэннон и Прибус пригласили меня позавтракать с ними в Мар-а-Лаго на следующее утро. Прибус предложил альтернативы должности советника по национальной безопасности, сказав о Трампе: “Помните, с кем вы имеете дело.” Они обещали реальное влияние, доступ к Трампу и неизбежность смены админист-

¹ Обзорно (фр.)

рации, что означает, что я в конечном итоге стану госсекретарем или кем-то в этом роде. Основываясь на моем опыте работы в правительстве, я объяснил, что для управления бюрократией вам нужно контролировать бюрократию, а не просто наблюдать за ней из Белого дома. СНБ был механизмом для координации деятельности агентств национальной безопасности, и для этой работы требовался кто-то, кто имел опыт работы на более низких уровнях и знал, как это работает (или не работает). Мои слова не произвели на них впечатления. Я думаю, что Трамп, по сути, сказал им: «Введите его в администрацию, чтобы он мог защищать нас по телевидению». Это было как раз последнее, что я намеревался сделать в отношении политики, на определение которой я имел минимальное влияние. В какой-то момент Бэннон сказал: «Помогите мне здесь, посол». Вообще-то именно это я и пытался сделать, но он имел в виду, что я должен сказать ему, что еще могло бы побудить меня присоединиться к администрации.

Возвращаясь в Вашингтон, я увидел в самолете, что Трамп выбрал Макмастера. Это не было неожиданностью, но я был удивлен, услышав, как Трамп тогда сказал:

— Я знаю Джона Болтона. Мы собираемся попросить его поработать с нами в несколько ином качестве. Джон — потрясающий парень. У нас было несколько действительно хороших встреч с ним. Он много знает. У него было много идей, с которыми, я должен вам сказать, я более чем согласен. Так что мы будем разговаривать с Джоном Болтоном в другом качестве.

Я явно не высказал свою точку зрения о лучшей роли для меня, и уж, конечно, не Кушнеру, который вскоре после этого написал мне: «Здорово проводить время вместе — мы действительно хотим, чтобы ты был в команде. Давайте поговорим на этой неделе, чтобы найти подходящее место, поскольку у вас есть что предложить, и у нас есть уникальный шанс сделать что-то хорошее». Мадлен Вестерхаут, секретарь Трампа во «Внешнем овале» (комната, где сидели личные помощники Трампа), позвонила во вторник, чтобы

соединить меня с Трампом, но у моего телефона был выключен звук, и я пропустил звонок. Как и следовало ожидать, Трамп был занят, когда я позже перезвонил, поэтому я спросил Вестерхаут, знает ли она, о чем идет речь. Она сказала: «О, он просто хотел сказать тебе, какой ты замечательный, и сказал, что хочет поблагодарить меня за то, что я приехал в Мар-а-Лаго». Я ответил, что это было очень любезно, но, не желая обременять его график, я сказал, что ему действительно не нужно звонить снова, надеясь вернуться от пули. Через несколько дней Вестерхаут, всегда жизнерадостная, оставила еще одно сообщение, в котором говорилось, что президент хочет меня видеть. Я был убежден, что меня поставят на какую-то аморфную должность, но, к счастью, уехал из страны почти на две недели и снова вернулся от пули.

Вы можете убежать, но вы не можете спрятаться, и встреча с Трампом была, наконец, назначена на 23 марта, после обеда с Мак Мастером в столовой Белого дома. Я заранее написал Бэннону, чтобы расставить все точки над *i*: меня интересовали только должности госсекретаря или национальной безопасности, и, насколько я мог судить, ни то, ни другое не было вакантно. По случайному совпадению, я вошел в Западное крыло впервые за более чем десять лет, когда толпа журналистов ждала снаружи, чтобы взять интервью у республиканских членов Палаты представителей, встречающихся с Трампом, о провалившихся попытках отменить Обама-кейр¹. Как раз то, что мне было нужно, хотя я и не планировал отвечать ни на какие вопросы. Однако в эпоху Твиттера даже отсутствие истории — это история, как написал один репортер в Твиттере:

ГЛЕН ТРАШ: Джон Болтон только что вошел в Западное крыло — я спросил его, что он делает, он улыбнулся и сказал: «Здравоохранение!!!!»

Позже я увидел, что Боб Коста из «Вашингтон Пост» написал в твиттере, когда я входил:

¹ Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении (2010), неоднозначно принятый в США (прим.ред.)

Трампа хочет ввести Джона Болтона в администрацию. Вот почему Болтон сегодня находится в БД, в качестве доверенного лица Трампа. Продолжается совещание.

Я прекрасно пообедал с Мак Мастером, обсуждая Ирак, Иран и Северную Корею, а затем мы отправились в Овальный кабинет, чтобы увидеть Трампа, который как раз заканчивал обед с министром финансов Стивеном Мнучиным и Нельсоном Пельцем, нью-йоркским финансистом.

Трампа сидел за столом «Резолют», который был совершенно пуст, в отличие от стола в его новом офисе в Нью-Йорке, который, казалось, всегда был завален газетами, отчетами и заметками. Он сфотографировал нас двоих, а затем мы с Мак Мастером сели перед столом для обсуждения. Мы немного поговорили об усилиях по отмене Обамакейр, а затем обратились к Ирану и Северной Корее, повторив многое из того, что мы с Мак Мастером обсуждали за обедом. Трамп сказал:

— Вы знаете, мы с вами согласны почти во всем, кроме Ирака.

— Да, но даже там мы согласны с тем, что вывод американских войск Обамой в 2011 году привел нас к тому беспорядку, который мы имеем там сейчас, — ответил я.

— Пусть не сейчас, но если в правильное время я приглашу вас войти в эту администрацию на правильную должность, вы согласитесь, верно?

Я рассмеялся, как и Трамп и Мак Мастер (хотя я чувствовал себя несколько неловко), и ответил согласием, полагая, что я снова уклонился от пули, которой боялся. Никакого давления, никакой спешки и никакой аморфной работы в Белом доме без почтового ящика.

Встреча длилась минут двадцать с лишним минут, а затем мы с Мак Мастером ушли, по пути заглянув в кабинет Бэннона. Мы с Бэнноном некоторое время гостили у Прибуса, наткнувшись в коридоре на Шона Спайсера, а затем на вице-президента, который тепло приветствовал меня. Атмосфера напомнила мне общагу колледжа, где люди постоянно бродят по комнатам друг у друга и болтая о том-

сем. Разве эти люди в разгар кризиса не пытались отменить Обама-кейр, одну из основных проблем Трампа в 2016 году? Это был не Белый дом, который я узнал по прошлым администрациям, это точно. Самой зловещей вещью, которую я услышал, были слова Майка Пенса: “Я действительно рад, что вы с нами”, хотя, я вовсе не думал, что я с ними! Примерно в 14:15 я, наконец, ушел, но у меня было такое чувство, что я мог бы торчать здесь весь день.

Я мог видеть, что эта схема контактов с Белым домом Трампа длится неопределенный период, и в какой-то степени так и было. Но я закончил первые сто дней администрации, уверенный в своем собственном мнении о том, что я был готов делать, а что нет. В конце концов, как говорит Катон Юнгер в одной из любимых строк Джорджа Вашингтона из его любимой пьесы: “Когда побеждает порок, а нечестивые люди властвуют, почетный пост — это частная должность”.

* * *

Жизнь при Трампе, однако, не была похожа на жизнь в романе Джозефа Аддисона «Катон», где герой стремился защитить рушащуюся Римскую республику от Юлия Цезаря. Вместо этого новая администрация гораздо больше напоминала песню Eagles “Hotel California”:

You can check out any time you like
But you can never leave.¹

Незадолго до того, как Бэннон и Прибус стали звонить и писать мне, зазывая прийти в Белый дом в любом качестве, поскольку они пытались преодолеть несоответствия между Трампом, Мак Мастером и Тиллерсоном. Наиболее ощутимым проявлением проблем был Иран, в частности, ядерная сделка 2015 года, которую Обама считал своим

¹ Вы можете выписаться в любое удобное для вас время
Но вы никогда не сможете уйти (прим.перев.)

главным достижением (помимо Обама-кейр). Сделка была плохо задумана, отвратительно согласована и составлена, и полностью выгодна Ирану: невыполнима, непроверяема и неадекватна по продолжительности и масштабу. Призванная устранить угрозу, создаваемую ядерной программой Ирана, сделка не сделала ничего подобного. Фактически, она усугубила угрозу, создав видимость решения, отвлекая внимание от опасностей и отменяя экономические санкции, которые нанесли существенный ущерб экономике Ирана, позволив Тегерану действовать практически беспрепятственно. Более того, сделка не рассматривала всерьез другие угрозы, которые представлял Иран: его программа создания баллистических ракет (плохо замаскированная попытка разработать средства доставки ядерного оружия), его сохраняющаяся роль центрального банка международного терроризма в мире и прочая его вредоносная деятельность в регионе посредством интервенций укрепляющихся сил «Аль-Кудса» — сил заграничных операций Корпуса стражей исламской революции — в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене и других местах. Освобожденные от санкций, получившие выгоду от перевода 150 миллионов долларов “наличными на поддонах” в грузовых самолетах и размораживания активов, оцениваемых в 150 миллиардов долларов по всему миру, радикальные аятолы Тегерана вернулись к делу.

Трампа и другие кандидаты от Республиканской партии в 2016 году проводили кампанию против Совместного всеобъемлющего плана действий, неуклюжего официально названия сделки с Ираном, и широко распространено мнение, что он готов к чрезвычайному помазанию после его инаугурации. Но Тиллерсон, Мэттис и Мак Мастер сорвали усилия Трампа вырваться из этой жалкой сделки, заработав от восторженных СМИ титул “оси взрослых”, удерживающей Трампа от погружения в мир диких фантазий. Если бы они только знали... На самом деле, многие сторонники Трампа видели свои усилия в том, чтобы помешать ему сделать то, что он обещал избирателям. И Мак Мастер

не делал себе никаких поблажек, выступая против эпита «радикальный исламский терроризм» для описания... радикального исламского терроризма. Джим Бейкер говорил мне, когда я работал на него в Государственном департаменте при Буше-старшем и настаивал на том, что как Бейкер знал, Буш делать не хотел: «Джон, парень, которого избрали, не хочет этого делать». Обычно это был сигнал, что я должен прекратить настаивать, но в зарождающемся аппарате национальной безопасности администрации Трампа мнение «парня, которого избрали», было лишь одним из многих значимых факторов.

В начале мая, после того как у меня была еще одна дискуссия в Белом доме с Прибусом и Бэнноном, они отвели меня на фотосессию с Трампом и Пенсом в колоннаде, соединяющей резиденцию с Западным крылом.

— Джон, так рад тебя видеть, — сказал Трамп, когда мы шли по колоннаде, окруженные фотографами. Мы говорили о Филиппинах и китайской угрозе поставить почти все Южно-Китайское море под свой суверенитет. Когда мы закончили, Трамп сказал достаточно громко, чтобы толпа репортеров услышала: — Рекс Тиллерсон здесь? Он должен поговорить с Джоном.

И с этими словами Трамп отправился в Овальный кабинет. Прибус сказал:

— Это было здорово. Мы хотим, чтобы вы возвращались сюда регулярно.

Жизнь в Белом доме развивалась в своем собственном ритме: Трамп уволил директора ФБР Джеймса Коми позже в мае (по предложению Кушнера, как сказал Бэннон), затем встретился с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым (которого я знал на тот момент более двадцати пяти лет) и, предположительно, был менее осторожен при обсуждении секретных материалов, назвав Коми психом, согласно непредвзятому «Нью-Йорк Таймс». Я был в Израиле в конце мая, чтобы выступить с речью и встретился с премьер-министром Биби Нетаньяху, с которым я познакомился при Буше-старшем. Угроза Ирана была в центре его

внимания, как и положено любому израильскому премьер-министру, но он также сомневался в том, чтобы возложить задачу положить конец израильско-палестинскому конфликту на Кушнера, семью которого Нетаньяху знал много лет. Он был достаточно опытным политиком, чтобы не выступить против этой идеи публично, но, как и большая часть мира, он задавался вопросом, почему Кушнер думал, что он добьется успеха там, где такие, как Киссинджер, потерпели неудачу.

Я вернулся в Белый дом в июне, чтобы увидеть Трампа, идущего с Прибусом к «Внешнему овалу». Трамп увидел нас через открытую дверь и сказал:

— Привет, Джон, дайте мне всего минуту, я подписываю решение по судейской комиссии.

Я был рад дать ему столько времени, сколько ему нужно, потому что растущий послужной список Трампа по назначениям судей, который со временем будет подтвержден утверждением судей Нила Горсача и Бретта Кавано, был для консерваторов наивысшим приоритетом и величайшим достижением его пребывания в должности. Когда Прибус и я вошли, я поздравил Трампа с выходом из Парижского соглашения по климату, от которого “ось взрослых” не смогла его удержать и которое я рассматривал как важную победу над режимом глобалистов. Парижское соглашение было шарадой для тех, кто действительно обеспокоен изменением климата. Как и во многих других случаях, международные соглашения обеспечивали видимость решения основных проблем, давая национальным политикам возможность поставить себе в заслугу, но не имели заметного реального значения (в данном случае, предоставляя свободу действий таким странам, как Китай и Индия, которые оставались практически свободными). Я дал Трампу копию моей статьи 2000 года под названием “Должны ли мы серьезно относиться к глобальному управлению?”, опубликованную в «Чикаго Джорнел» — конечно, у меня и в мыслях не было, что он станет ее читать, просто хотел напомнить ему о важности сохранения суверенитета США.

Я предостерег Трампа от растраты политического капитала в бесплодных поисках решения арабо-израильского конфликта и решительно поддержал перенос посольства США в Израиле в Иерусалим, тем самым признав его столицей Израиля. Что касается Ирана, я призвал его настаивать на выходе из ядерного соглашения и объяснил, почему применение силы против ядерной программы Ирана может быть единственным долгосрочным решением.

— Ты скажешь Биби, что если он применит силу, я поддержу его. Я сказал ему это, но ты скажи ему еще раз, — сказал Трамп без моих понуканий.

По ходу разговора Трамп спросил, лажу ли я с Тиллерсоном и я ответил, что мы не разговаривали с января. Бэннон сказал мне несколько дней спустя, что Трамп остался доволен встречей. И действительно, несколько недель спустя Тиллерсон позвонил, чтобы попросить меня стать специальным посланником по ливийскому примирению — как я решил, просто «для галочки», ведь если бы его спросили, Тиллерсон мог сказать Трампу, что он мне что-то предлагал, но я отказался. Тиллерсон почти одновременно попросил Курта Волкера, близкого соратника Маккейна, стать специальным посланником по Украине. Ни одна из этих работ не требовала полной занятости в правительстве, но, на мой взгляд, вы либо были в администрации, либо нет.

Администрация также думала о Северной Корее после освобождения Отто Уормбиера, который подвергся варварскому обращению со стороны Пхеньяна и умер по возвращении в Соединенные Штаты. Жестокость северян рассказала нам все, что нам нужно было знать о их режиме. Более того, Пхеньян запускал баллистические ракеты, в том числе 4 июля (как предсудитительно), а затем еще одну 28 июля, что в конечном итоге привело к дальнейшим санкциям Совета Безопасности ООН 5 августа. Несколько дней спустя Трампу было предложено пригрозить Северной Корее «огнем и яростью, каких мир никогда не видел», хотя Тиллерсон сразу же сказал, что американцы должны

“спокойно спать по ночам” и “не беспокоиться об этой конкретной риторике последних нескольких дней”, вряд ли что-то проясняя. Я задавался вопросом, кого высмеивает Тиллерсон — Северную Корею или Трампа, который 11 августа повысил ставку, заявив, что США “сыты по горло” Северной Кореей. Было мало видимых свидетельств того, что велись какие-либо новые военные приготовления.

30 августа Трамп написал в Твиттере, что мы двадцать пять лет безрезультатно разговаривали с Северной Кореей, и не было особого смысла продолжать разговор. Трамп повторил эту точку зрения 7 октября:

Президенты и их администрации вели переговоры с Северной Кореей в течение 25 лет, заключенные соглашения и выплаченные огромные суммы денег... не сработали, соглашения были нарушены до того, как высохли чернила, что делает американских переговорщиков дураками. Извините, но сработает только одна вещь!

Мэттис в Южной Корее почти сразу возразил Трампу, заявив, что всегда есть место для дипломатии, хотя он быстро пошел на попятную. Диссонанс становился все громче. Северная Корея вмешалась в него своим шестым испытанием 3 сентября, на этот раз почти наверняка термоядерным, а двенадцать дней спустя выпустила ракету по Японии, подтвердив тем самым твит Трампа. Почти сразу после этого премьер-министр Японии Абэ написал статью для «Нью-Йорк Таймс», в которой заключил, что “продолжение диалога с Северной Кореей было бы тупиком”, и сказал: “Я полностью поддерживаю позицию Соединенных Штатов о том, что все карты уже выложены на стол”, что было наиболее прямой по меркам японского политика поддержкой наступательных военных операций. Напротив, Тиллерсон объявил, что мы хотим “усадить Северную Корею за стол переговоров для конструктивного, продуктивного диалога”. Он, очевидно, был глубоко во власти ведомственных интересов Госдепартамента. Когда Трамп объявил о новых финансовых санкциях в отношении Северной Кореи, Китай ответил, заявив, что его центральный

банк дал указание всем китайским банкам прекратить ведение бизнеса с Пхеньяном, что было бы большим шагом вперед, если бы оно действительно было выполнено (в чем многие сомневались).

Однако Иран оставался наиболее заметной горячей точкой, и в июле Трамп столкнулся со своим вторым решением, подтверждать ли соблюдение Ираном ядерной сделки. Первое решение сделать это было ошибкой, и теперь Трамп был на грани ее повторения. Я написал статью для «Хилл», которая появилась на ее веб-сайте 16 июля, начав однодневную битву внутри Белого дома. Макмастер и Мнучин провели телефонную конференцию, чтобы проинформировать журналистов о решении подтвердить соблюдение Ираном требований, а Белый дом разослал СМИ по электронной почте “тезисы для обсуждения” с объяснением решения, поскольку окончательный документ только готовился. Но сторонний аналитик сказал мне, что “в СНБ царит хаос”, темы для обсуждения были сняты, и решение о сертификации сделки было отменено. «Нью-Йорк Таймс» со ссылкой на представителя Белого дома сообщила о почти часовой конфронтации между Трампом, с одной стороны, и Мэттисом, Тиллерсоном и Макмастером, с другой, по вопросу сертификации, подтверждая то, что я слышал ранее. Другие источники говорили то же самое. Трамп в конечном итоге уступил, но неохотно, и только после того, как в очередной раз попросил альтернативное решение, которого, по словам его советников, не было. Бэннон написал мне СМС: “ПОТУСу¹ понравилось... Ваша статья подтолкнула его к Ирану”.

Трамп позвонил мне несколько дней спустя, чтобы пожаловаться на то, как решался вопрос о сертификации иранского вопроса, и особенно на “людей в Госдепартаменте”, которые не дали ему никаких вариантов. Затем он сказал, ссылаясь на мой последний разговор с Тиллерсоном: “Я слышал, то, о чем говорил с вами Рекс, не сработало”.

¹ ПОТУС — President of the United States (прим.ред.)

ет. Не занимай какую-то половинчатую позицию. Если он предложит вам что-то действительно замечательное, хорошо, окей, но в остальном просто подождите. Я собираюсь позвонить тебе”, завершив звонок словами, что я должен “приехать и повидаться [с ним] на следующей неделе” по Ирану. Сразу после этого Бэннон написал мне СМС: “Мы говорим об этом каждый день”. Я сказал Бэннону, что напишу план о том, как США могут выйти из сделки с Ираном. Это не должно было быть так уж жестко.

На следующий день Шон Спайсер подал в отставку с поста пресс-секретаря Белого дома в знак протеста против назначения Энтони Скарамуччи директором по коммуникациям, а преемницей Спайсера была выбрана Сара Сандерс. Неделю спустя Трамп уволил Прибуса, назначив Джона Келли, тогдашнего министра внутренней безопасности и бывшего четырехзвездочного генерала морской пехоты, главой администрации Белого дома. В понедельник, 31 июля, Келли уволил Скарамуччи. В середине августа разгорелся спор по поводу комментариев Трампа о неонацистских демонстрантах в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния. Он уволил Бэннона 18 августа. Чему только учат в бизнес-школах об управлении крупными организациями?

Чего только не происходило, но Белый дом не подавал никакой реакции на мои предложения о выходе из сделки с Ираном, которые я ранее передал Бэннону. Когда я искал встречи с Трампом, Вестерхаут предложила мне сначала встретиться с Тиллерсоном, что было бы пустой тратой времени для нас обоих. Я подозревал, что усилия Келли по наведению дисциплины в работе Белого дома и, в частности, по ограничению анархии в Овальном кабинете привели к тому, что мои привилегии “входа” были приостановлены, как и привилегии многих других. Я подумал, что было бы позором позволить моему плану по Ирану зачахнуть, поэтому я предложил редактору «Нэшнл Ревью» Ричу Лоури опубликовать его, что он и сделал в конце августа. Министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф немедленно осудил мой план как “огромный провал для Вашингтона”. Я знал, что

я на правильном пути. Большинство средств массовой информации в Вашингтоне вместо того, чтобы сосредоточиться на сути плана, вместо этого написали о моей потере доступа к Трампу, вероятно, потому что они разбирались в придворных интригах лучше, чем в политике. Кушнер написал мне сообщение, что мне всегда рады в Белом доме, и что “Стив [Бэннон] и я расходились во мнениях по многим вопросам, но мы были солидарны по Ирану”. На самом деле, Кушнер пригласил меня на встречу 31 августа, чтобы обсудить его план мирного урегулирования на Ближнем Востоке вместе с Ираном. После относительно долгого перерыва я не думал, что эта встреча была случайной.

Тем не менее, от Трампа до сих пор нет никаких известий, хотя в октябре должна была состояться очередная сертификация соответствия Ирана положениям сделки, которую он по закону должен был проходить каждые девяносто дней. Белый дом объявил, что Трамп выступит с важным обращением к Ирану 12 октября, поэтому я решил перестать притворяться, позвонив Вестерхаут и попросив о встрече. К тому времени Тиллерсон, как сообщается, назвал Трампа “гребаным болваном¹”, что он категорически отказался опровергать. Ходили слухи, что Келли хотел уйти в отставку с поста главы администрации и что Помпео заменит его, хотя также регулярно ходили слухи, что Помпео заменит Макмастера. Я все еще был сосредоточен на Иране и написал еще одну статью для «Хилл», надеясь, что магия снова сработает. Статья вышла 9 октября, в день, когда я обедал с Кушнером в его офисе в Западном крыле. Хотя мы говорили о его ближневосточном плане и Иране, что действительно привлекло его внимание, так это фотография, которую я принес, с безвкусным входом в офис специального прокурора Роберта Мюллера, расположенный в здании, где находился мой суперкомитет политической активности.

¹ В оригинале использовано более жесткое выражение, неприемлимое для печати (прим.перев.)

СМИ сообщили, что советники Трампа убеждали его отказаться от подтверждения соответствия Ирана условиям соглашения, но что США, тем не менее, остаются в сделке. Я воспринял это как самоуничтожение, но сторонники сделки были в таком отчаянии, что были готовы уступить критический пункт о соблюдении требований, лишь бы спасти сделку. Трамп позвонил мне ближе к вечеру 12 октября (речь была перенесена на пятницу, 13-е)

— Вы и я вместе в этой сделке, вы можете быть немножго жестче, чем я, но мы видим это одинаково, — сказал он.

Я ответил, что из освещения в прессе я вижу, что он, вероятно, откажется от сертификации Ирана, но все же останется в сделке, что, по моим словам, было, по крайней мере, шагом вперед. Я попросил, чтобы обсудите проблему дальше, когда будет больше времени.

— На сто процентов, — сказал Трамп. — Сто процентов. Я знаю, что это ваша точка зрения. Я очень внимательно слежу за тем, что вы говорите.

Я спросил, не добавит ли он в свою речь строчку о том, что соглашение постоянно пересматривается и что оно может быть расторгнуто в любое время (таким образом, устраняется необходимость ждать девяносто дней, прежде чем сделать еще один шаг к выходу, и явно вести борьбу за выход, а не за “соблюдение”, что предпочитали сторонники сделки. Мы говорили о языке, на котором Трамп диктовал свою волю другим в комнате.

Затем Трамп поднял тему Корпуса стражей исламской революции Ирана, спросив, должен ли он объявить его иностранной террористической организацией, тем самым подвергнув его дополнительным санкциям и ограничениям. Я убедил его сделать это из-за контроля организации над иранской ядерной и ракетной программами и ее широкой поддержки радикального исламского терроризма — суннитского и шиитского. Трамп сказал, что, как он слышал, Иран будет особенно расстроен этим конкретным назначением, и может последовать ответный удар по силам США в Ираке и Сирии, что, как я узнал позже, было

позицией Мэттиса. Но его аргумент был неверно направлен: если Мэттис был прав, ответ заключался бы в том, чтобы обеспечить большую защиту для наших войск или вывести их, чтобы сосредоточиться на главной угрозе, Иране. Как оказалось, потребовалось почти два года, чтобы стражи революции были признаны иностранной террористической организацией, демонстрируя огромную стойкость окопавшейся бюрократии.

Трамп также сказал, что думает о том, чтобы сказать что-нибудь о Северной Корее, что я призвал его сделать. В пятницу он сказал:

— Есть также много людей, которые считают, что Иран сотрудничает с Северной Кореей. Я собираюсь поручить нашим разведывательным службам провести тщательный анализ и сообщить о своих выводах помимо того, что они уже рассмотрели.

Я был в восторге. Я сказал, что с нетерпением жду возможности снова поговорить с ним, и Трамп сказал: “конечно”. (Позже, в ноябре, в мой день рождения, я уверен, чисто случайно, Трамп вернул Северную Корею в список государств-спонсоров терроризма, из которого администрация Буша-младшего ее по ошибке удалила).

Звонок Трампа достиг четырех целей:

(1) президент открыто озвучил, что сделка с Ираном постоянно пересматривается и может быть отозвана США в любое время;

(2) поднял вопрос о связи между Ираном и Северной Кореей;

(3) заявил, что КСИР должен рассматриваться в качестве иностранной террористической организации; и

(4) пообещал мне прямой доступ к своей особе.

По иронии судьбы, поскольку я говорил по громкой связи, все эти моменты были понятны любому, кто был с ним в Овальном кабинете. На самом деле, я задавался вопросом, мог бы я сделать гораздо больше, если бы я действительно был в администрации, а не просто звонил извне за несколько часов до выступления, подобного этому.

Кушнер вернул меня в Белый дом 16 ноября, чтобы обсудить его ближневосточный мирный план. Я призвал нас выйти из Совета ООН по правам человека, а не следовать плану Хейли по его "реформированию". (См. Главу 8.) Совет был фиктивным, когда я голосовал против него в 2006 году, отменив его столь же бесполезного предшественника. Мы никогда не должны были туда возвращаться, как это сделал Обама. Я также выступал за прекращение финансирования Агентства ООН по оказанию помощи палестинским беженцам, которое якобы было создано для оказания помощи палестинским беженцам, но на протяжении десятилетий фактически стало подразделением палестинского аппарата, а не ООН. Кушнер дважды сказал, насколько лучше бы я мог управлять госдепартаментом, чем его нынешнее руководство. В начале декабря Трамп, выполняя обязательства 2016 года, объявил Иерусалим столицей Израиля и объявил, что перенесет туда посольство США. Он позвонил мне за несколько дней до этого, и я выразил ему поддержку, хотя он явно уже решил действовать. Это давно назрело и совершенно не привело к кризису на "арабской улице" что без конца пророчили региональные "эксперты". Большинство арабских государств переключили свое внимание на реальную угрозу, которой был Иран, а не Израиль. В январе США сократили финансирование Агентства ООН по оказанию помощи, внеся только 60 миллионов долларов из ожидаемого транша в 125 миллионов, или примерно одну шестую от предполагаемого общего взноса США в 2018 финансовом году, который тогда составил миллионы.

Трамп снова пригласил меня в Белый дом 7 декабря. Я сидел в вестибюле Западного крыла, любясь огромной рождественской елкой, когда вошел Трамп, за которым следовали Чак Шумер и Нэнси Пелоси. Они возвращались со встречи с руководством конгресса. Мы обменялись рукопожатиями, и они принялись позировать для фотографий перед елкой. Пока я наблюдал, Джон Келли схватил меня за локоть и предложил отойти. Мы пошли в Овальный, и почти сразу же к нам присоединились Трамп с Пен-

сом. Впрочем, Пенс почти сразу ушел, а мы с Келли сели перед Трампом. Я приветствовал переезд посольства в Иерусалим, и мы быстро перешли Ирану и Северной Корее. Я объяснил некоторые связи между двумя государствами-изгоями, в том числе продажу Северной Кореей ракет «Скад» Ирану более двадцати пяти лет назад, их совместные ракетные испытания в Иране после 1998 года (после протестов Японии Пхеньян объявил мораторий на пусковые испытания с полуострова после того, как ракета упала в Тихий океан к востоку от японских берегов) и их общую цель — разработку средств доставки ядерного оружия. Что касается ядерного потенциала, «отец пакистанской ядерной программы» А.К.Хан продал обеим странам их базовую технологию обогащения урана (которую он украл для Пакистана у европейской «Уренко ЛТД») и проекты ядерного оружия (первоначально предоставленные Пакистану Китаем). Северная Корея строила реактор в Сирии, разрушенный Израилем в сентябре 2007 года, почти наверняка с финансовой поддержкой со стороны Ирана. Иран мог просто купить то, что он хотел, у Северной Кореи в подходящее время (если он этого еще не сделал).

Угроза приобретения Северной Кореей средств доставки ядерного оружия проявляется несколькими способами. Во-первых, стратегия зависит от анализа намерений и возможностей. Определить намерения часто труднее, чем возможности, (даже учитывая, что наша разведка не совершенна). Но кто готов играть в азартные игры, пытаясь угадать, что на самом деле на уме у лидеров единственной в мире наследственной коммунистической диктатуры, имея неопровержимые доказательства наращивания ядерного и ракетного потенциала? Во-вторых, Северная Корея, обладающая ядерным оружием, может шантажировать соседние безъядерные государства, такие как Япония и Южная Корея (где у нас самих развернуты крупные силы) и даже против Соединенных Штатов, особенно при слабом или беспомощном президенте. Опасность исходит не просто от риска первого удара, а от простого обладания,

не говоря уже о стимулах для дальнейшего распространения Пхеньяном ЯО по Восточной Азии и в других местах. В-третьих, Северная Корея неоднократно демонстрировала, что она продаст что угодно кому угодно за наличные, поэтому риски превращения его в ядерную Амазонию далеко не тривиальны.

Я объяснил, почему и как сработает упреждающий удар по ядерной и ракетной программам Северной Кореи, как мы могли бы использовать мощные обычные бомбы против артиллерии Пхеньяна к северу от демилитаризованной зоны, которая угрожала Сеулу, тем самым резко сократив потери; и почему Соединенные Штаты быстро приближаются к выбору одного из двух (предполагая, что Китай не станет разыгрывать драму) — или мы смиряемся с ядерным статусом Северной Кореи или применяем военную силу. Единственными другими альтернативами были попытки воссоединения полуострова с Южной Кореей или смена режима в Пхеньяне — но оба варианта требовали сотрудничества с Китаем, о чем мы пока даже не заводили речь. Трамп спросил:

— Как вы думаете, каковы шансы войны с Северной Кореей? Пятьдесят на пятьдесят?

Я сказал, что думал, что все зависит от Китая, но, вероятно, пятьдесят на пятьдесят. Келли считал так же.

В ходе этого разговора, который длился около тридцати пяти минут, Трамп выразил свое недовольство Тиллерсоном, заявив, что он, похоже, не контролирует Госдеп. Я объяснил, что причина в том, что Тиллерсон не провел чистку, назначив своих людей и закономерно контроль над департаментом остался в руках прежней бюрократии. Я также объяснил, почему госдепартаменту нужна “культурная революция” из-за его желания самостоятельно проводить внешнюю политику, особенно при президентах-республиканцах. И Трамп, и Келли согласно закивали. Трамп спросил Келли, что, по его мнению, Тиллерсон делал неправильно, и Келли ответил, что Тиллерсон пытался слишком много контролировать лично. Я согласился, но сказал, что

делегирующие полномочий должно идти рука об руку с поиском нужных людей, которым можно их делегировать. Келли согласился, сказав: “Делегирование с наблюдением”.

Затем Трамп сказал Келли:

— Джон знает это место [т.е. госдепартамент] вдоль и поперек.

Келли кивнул в знак согласия. Я подумал, что поразительно, что Трамп не выдвинул Макмастера. Когда мы заканчивали собрание, Трамп сказал:

— Ты все еще готов принять правильную должность, если я не ошибаюсь?

— Правильную — да, — засмеялся я в ответ:

Когда мы с Келли возвращались в вестибюль Западного крыла, он сказал:

— Этот парень любит тебя. После того, как мы пробудем здесь весь день, он позвонит мне домой в пол-десятого и скажет: “Ты только что видел Болтона по телевизору?»

Я предложил Келли звонить мне, если ему потребуется помощь вышел из здания.

За неделю до Рождества я снова встретился с Кушнером по ближневосточному мирному плану примерно на сорок минут, кроме того, в декабре мы пару раз созванивались. В остальном, до конца месяца все было тихо. С новым годом!

* * *

В связи с приближением очередного законодательно требуемого президентского решения о том, следует ли возвращать в силу санкции, введенные до сделки с Ираном, я сидел сложа руки. В Белом доме могли связаться со мной, когда угодно, но никто этого не сделал. Трамп повторил свои октябрьские действия — не возобновил санкции, но и не подтвердил, что Иран соблюдает условия сделки. Никакого прогресса.

А затем Северная Корея вернулась в центр внимания, поскольку Южная Корея принимала зимние Олимпийские игры. Пенс и Иванка Трамп представляли США на фоне слу-

хов о переговорах с делегацией Северной Кореи. Я давал интервью, аплодируя Пенсу за то, что он не позволил Северу получить преимущество в пропаганде или вбить клинья между нами и Южной Кореей. Пенс сдержанно похвалил меня в твиттере — что ж, добрый знак. Конечно, президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин делал все возможное во внутриполитических целях, чтобы подчеркнуть свой “успех” в приглашении высокопоставленных северокорейцев, в частности, младшей сестры Ким Чен Ына, Ким Ё Чжон (находившейся под санкциями США за нарушения прав человека). На самом деле, у Ким Ё Чжон была задача пригласить Муна на Север. Мун немедленно принял приглашение. Позже стало известно, что Сеул оплатил расходы Пхеньяна на участие в играх не из какого-либо олимпийского духа, а следуя печальной, устоявшейся схеме. Южнокорейские левые поклонялись этой “солнечной политике”, которая в основном заключалась в том, что хорошее отношение к Северной Корее принесет мир на полуостров. На деле она просто снова и снова финансировала диктатуру Севера.

6 марта я снова встретился с Трампом. Ожидая в Западном крыле, я смотрел по телевизору, как репортеры спросили, в чем, по его мнению, причина того, что Север теперь готов к переговорам. Трамп не мудрствуя лукаво радостно ответил: “Во мне”. Я надеялся, что он понял, что Северная Корея действительно боится, что он, в отличие от Обамы, был готов при необходимости применить военную силу. Я пришел в Овальный кабинет примерно в 16:40 и снова сел за все такой же чистый стол «Резолют». Как только к нам присоединился Келли, Трамп спросил:

— Я просил об этой встрече или вы?

— Я.

— А я думал, что я, но я рад, что вы пришли — хотел вас видеть.

Мы начали говорить о Северной Корее, и я объяснил, что, по-моему Ким Чен Ын пытается выиграть время для завершения относительно немногих (хотя и важных) задач, которые все еще необходимы для достижения реального

потенциала создания ядерного оружия. Это означало, что Ким Чен Ын теперь особенно боялся военной силы — он знал, что одни экономические санкции не помешают ему достичь этой цели. Я не совсем уверен, что Трамп понял суть, но я также затронул сообщения о продаже Северной Кореей оборудования для производства химического оружия и химических веществ-прекурсоров Сирии, вероятно, финансируемых Ираном. Если это правда, то эта связь может иметь решающее значение как для Северной Кореи, так и для Ирана, показывая, насколько опасен Пхеньян: сейчас он продает химическое оружие, а вскоре и ядерное. Я призвал его использовать этот аргумент для оправдания как выхода из ядерной сделки с Ираном, так и более жесткой позиции в отношении Северной Кореи. Келли согласился и призвал меня продолжать работать публично. Я заверил его, что так и буду.

Что касается ядерной сделки с Ираном, Трамп сказал:

— Не волнуйтесь, я выхожу из этого. Я сказал, что они могут попытаться это исправить, но этого не произойдет.

Он вернулся к тому, как сильно он хотел бы видеть меня на месте Тиллерсона, но, по его мнению, утверждение будет трудно провести через Сенат, имея всего лишь республиканское большинство в 51 голос против 49.

— Этот сукин сын Рэнд Пол будет голосовать против вас, и Макконнелл беспокоится, что он может убедить других республиканцев, которым нужен его голос в отношении судей и прочего.

Я сказал, что не рассчитываю на голос Пола, но я был бы удивлен, если бы он смог привлечь на свою сторону других республиканцев. (Реальный подсчет голосов в Сенате, однако, заставлял рассчитывать скорее на 50 против 49, поскольку здоровье Джона Маккейна продолжало ухудшаться, и было вполне вероятно, что он может никогда не вернуться в Вашингтон). Я также сказал, основываясь на предыдущих беседах с сенаторами-республиканцами, что мы могли бы привлечь горстку демократов, осо-

бенно в год выборов. Я сомневался, что убедил Трампа, и он спросил:

— Что еще вас могло бы заинтересовать?

— Пост советника по национальной безопасности, — ответил я.

Келли нарушил молчание, чтобы подчеркнуть, что эта работа не требует одобрения Сената, и Трамп радостно спросил:

— Так что, мне не нужно беспокоиться об этих клоунах?

— Верно, — хором ответили мы с Келли.

Затем я пустился в описание того, что, по моему мнению, является основными обязанностями советника по национальной безопасности: обеспечить, чтобы президенту был представлен весь спектр вариантов и чтобы его решения затем выполнялись. Келли энергично кивнул. Я сказал, что, по-моему, мое юридическое образование подготовило меня к этой роли — я мог честно представить варианты, но при этом иметь свою собственную точку зрения (как это бывает в отношениях юриста с клиентами), и что я понимаю, что окончательные решения остаются за ним. Я, в который уже раз, повторил историю про Ачесона и Трумэна. Трамп и Келли рассмеялись. Трамп спросил меня, что, по моему мнению, Макмастер сделал правильно, и я сказал, что это настоящее достижение — написать хорошую стратегию национальной безопасности в первый год президентства президента. Например, при Буше-старшем этого не было. Последовал такой же вопрос про Мэттиса. Я сослался на значительное увеличение оборонного бюджета за годы правления Обамы, которое недавно выиграла администрация. Прежде чем я успел закончить, и Трамп, и Келли одновременно сказали, что победа в бюджете была достижением Трампа, а не Мэттиса. Я подумал, что это было настоящим откровением об отношении Трампа к Мэттису.

Встреча закончилась примерно через 35 минут, и Трамп сказал, чтобы я набрался терпения и ждал его звонка. Мы с Келли вышли из Овального кабинета, и он спросил:

— Вы подумали о реакции СМИ, если вас назовут?

Конечно, я думал — я уже прошел через это, когда был выдвинут на пост посла в ООН.

— Да, это было возмутительно, — продолжал Келли, — но вы все равно подумайте еще раз, потому что он серьезен.

* * *

...До того вечера я чувствовал себя неплохо. Выступая на сборе средств в Северной Вирджинии для конгрессмена-республиканца Барбары Комсток, я услышал, что Ким Чен Ын пригласил Трампа на встречу, и тот согласился.

Я потерял дар речи, потрясенный этой глупой ошибкой. Это был поистине царский подарок для северокорейской пропаганды. Это было на порядок хуже, чем Мадлен Олбрайт, чокающаяся бокалами с Ким Ир Сенем в годы правления Клинтона. К счастью, из-за сбора средств я пропустил интервью с «Фокс», так что у меня было время собраться с мыслями. На следующий день Сара Сандерс, казалось, вернула ситуацию назад, сказав, что наша существующая политика не изменилась.

Когда я покидал Белый дом ранее во вторник, Белый дом объявил об отставке Гэри Кона с поста председателя Национального экономического совета. На его место был назначен Ларри Кудлоу. Тем временем, в феврале секретарь штаба Белого дома Роб Портер подал в отставку из-за компрометирующей личной информации, раскрытой в ходе его расследования ФБР, за которым вскоре последовала давняя сотрудница Трампа Хоуп Хикс, тогдашний директор по коммуникациям. Кровапролитие продолжилось 13 марта, когда было бесцеремонно объявлено об увольнении Тиллерсона. Новым госсекретарем был назначен Помпео будет назначен на его место; и что заместитель Помпео, которого на посту директора ЦРУ в свою очередь сменила его заместитель Джина Хаспел — кадровый офицер разведки. Кушнер позвонил мне на следующий день для еще одной встречи по его плану ближневосточного мирного урегулирования. Мне трудно было поверить, что это

случайное совпадение. Затем, 16 марта, Джефф Сешнс возобновил кровопускание, уволив заместителя директора ФБР Эндрю Маккейба.

Жизнь во всем мире, однако, шла своим чередом. Российские агенты, совершила покушение на бывшего российского шпиона Сергея Скрипаля и его дочь в Солсбери, Англия, используя химическое оружие семейства «Новичок». После того, как Москва пренебрежительно отказалась даже обсуждать нападение, премьер-министр Мэй выслала двадцать три необъявленных агента российской разведки. В интервью я придерживался очень жесткого взгляда на то, как Америка должна реагировать на это нападение, и я придерживаюсь этого мнения до сих пор. Было тревожно читать, что Трамп поздравил Путина с победой на переизбрании на пост президента России по совету Макмастера, который быстро и широко просочился в СМИ. Тем не менее, позже Трамп выслал более шестидесяти российских дипломатов в рамках широкомасштабной кампании в знак солидарности с Лондоном. Я стиснул зубы, потому что работа выглядела более трудной, чем раньше. Но я решил, что отступать не время.

В среду, 21 марта меня застал в дороге звонок.

— Доброе утро, господин президент, — сказал я

— У меня есть для вас работа, которая, вероятно, является самой важной работой в Белом доме, — я начал было протестовать, но Трамп добавил — Нет, не глава администрации, лучше.

Мы оба рассмеялись, что означало, что Келли, вероятно, был с ним в комнате.

— И вам не придется иметь дело с демократами в Сенате. Приходите сегодня или завтра, мы все обсудим. Мне нужен кто-то с авторитетом, а не какой-то неизвестный. У вас есть большая поддержка, большая поддержка, от самых разных людей, большая поддержка, как у тех парней из "Собрания свободы"¹.

¹ Группа республиканцев в Палате представителей (прим.авт.)

Я поблагодарил Трампа, а затем позвонил домой, поделиться новостями с женой и дочерью. Я подчеркнул, что когда имеешь дело с Трампом это никогда не закончится, пока о назначении не объявлено публично — а может и после того.

Я встретился с Трампом в Овальном кабинете на следующий день в четыре часа. Мы начали то, что казалось очередным собеседованием с Ирана и Северной Корее. Многие из того, что сказал Трамп, восходит к дням его предвыборной кампании, до того, как серия выступлений привела его к широкому республиканскому внешнеполитическому мышлению. Я задавался вопросом, не передумал ли он, но, по крайней мере, он недвусмысленно сказал, что выходит из сделки с Ираном. Он почти ничего не сказал о предполагаемом предстоящем саммите с Ким Чен Ыном — упущение, которое мне было трудно понять. Больше всего времени мы уделили повторному обсуждению того, как, по моему мнению, должен работать СНБ. Хотя я не назвал имя Брента Скоукрофта¹, система, которую я излагал была хорошо знакома Келли, как система, созданная Скоукрофтом в администрации Буша-старшего. Во-первых, в обязанности СНБ входило предоставить президенту доступные варианты, а также плюсы и минусы каждого из них. Во-вторых, как только решение было принято, СНБ становился десницей президента, гарантирующей, что бюрократия выполнит это решение. Все это нашло отклик у Трампа, но он все еще не говорил ничего напрямую. Я уже начал задаваться вопросом, не закончится ли и эта часовая встреча безрезультатно, когда вошла Вестерхаут, сообщить, что у президента назначена еще одна встреча. Мы встали и обменялись рукопожатиями. Четкого предложения и согласия не было, но и я и Келли знали, что на самом деле произошло — по-трамповски.

¹ Брент Скоукрофт (1925 — 2020) — советник по национальной безопасности США в 1975 — 1977 и 1989 -1993 г.

Учитывая все, что я уже описал, и многое, оставшееся за кадром, зачем я согласился? Потому что Америка столкнулась с очень опасной международной обстановкой, и я думал, что знаю, что нужно сделать. У меня были твердые взгляды по широкому кругу вопросов, выработанные во время предыдущей государственной службы и работы в частном секторе. А Трамп? К этому моменту никто не мог утверждать, что не знал о предстоящих рисках, но я также верил, что смогу его обуздать. Я думал, что смогу преуспеть там, где потерпели неудачу многие другие. Насколько я прав? Читайте дальше.

Выйдя из Овального кабинета, я столкнулся с адвокатом Белого дома Доном Макганом, который входил с папками о потенциальных назначениях судей. Мы с Келли немного поговорили. Нам обоим было ясно, что ни один из нас ничего не сможет добиться, если мы не будем работать вместе. Я пошел в вестибюль Западного крыла, чтобы забрать свое пальто, где меня предупредили, что меня поджидает толпа репортеров и фотографов и предложили выбраться из Белого дома через "черный ход".

По дороге в студию «Фокс Ньюс» для интервью на шоу Марты Маккаллум Трамп написал в Твиттере:

Я рад объявить, что с 09.04.18 @AmbJohnBolton будет моим новым советником по национальной безопасности. Я очень благодарен за службу генералу Г.Р.Макмастеру, который проделал выдающуюся работу и всегда останется моим другом. 09.04. состоится официальная передача.

Поскольку Трамп объявил, что я начну 9 апреля, первоочередной задачей был процесс проверки у юриста Белого дома. Я заполнил длинные вопросники и прошел через допрос по вопросам раскрытия финансовой информации, возможных конфликтов интересов, требований к отчуждению активов (не то, чтобы у меня было так много, что отчуждать), прошлых трудовых отношений, замораживания моего комитета и суперкомитета политической активности на время государственной службы, и тому подобное. Также требовалось то, что бэби-бумеры называ-

ли интервью “секс, драгс и рок-н-ролл”, где, как правило, ловушка заключалась не в том, какие глупости вы совершили в своей жизни, а в том, признались ли вы в них в ответ на вопрос или даже сами начали о них говорить, если они были достаточно экзотическими. Со времени моей последней правительственной работы в качестве посла в ООН я получил много освещения в СМИ, поэтому я упомянул даже такие диковинные вещи, которые обо мне писали самые ленивые, предвзятые и некомпетентные репортеры — в том числе о том, что меня пыталась завербовать русская разведчица Мария Бутина. Ну и наконец обязательный тест на наркотики.

Я также пытался проконсультироваться с бывшими советниками по национальной безопасности, начав, конечно, с Киссинджера, с бывшими госсекретарями, на которых я работал и другими. Все они, как республиканцы, так и демократы, предложили свою поддержку. Наконец, я поговорил с президентом Джорджем У. Бушем, который был очень щедр со своим временем, пожелал мне “всего наилучшего”. Я спросил о том, чтобы позвонить его отцу, на которого я тоже работал, и он сказал, что в то время это будет “сложно”, поэтому я просто попросил его передать мои наилучшие пожелания.

В конце марта или начале апреля я завтракал с Джимом Мэттисом в Пентагоне. У нас была очень продуктивная дискуссия. Мэттис предложил, чтобы он, Помпео и я раз в неделю завтракали в Белом доме, чтобы обсудить нерешенные вопросы. Хотя мы все разговаривали по телефону друг с другом по несколько раз в день, завтраки дали очень важную возможность для нас троих наедине обсудить ключевые вопросы. Когда один из них мог путешествовать, двое других собирались вместе, обычно в столовой Белого дома, но иногда в Госдепартаменте или Пентагоне.

Когда мы с Мэттисом закончили, он повел меня на встречу с Джо Данфордом, председателем Объединенного комитета начальников штабов, срок полномочий которого продлится до сентября 2019 года. Я напомнил Данфорду

его замечания по ядерной проблеме Северной Кореи на летнем Аспенском форуме по безопасности 2018 года:

Многие люди отзывались о военных вариантах как о невообразимых. Я бы, наверное, сказал иначе — сказал бы, что это ужасно, что мы бы принесли жертвы, несравнимые ни с чем, что мы, живущие после Второй мировой войны, видели в своей жизни, если начнется конфликт на Корейском полуострове. Но, как я сказал своим коллегам — как друзьям, так и оппонентам, нет ничего невообразимого в военном варианте реагирования на ядерный потенциал Северной Кореи. Что для меня невообразимо, так это позволить ядерному оружию достичь Денвера, штат Колорадо. Моя задача заключается в разработке военных вариантов, чтобы убедиться, что этого не произойдет.

Данфорд казался удивленным, что я знал о его комментариях, и у нас была хорошая дискуссия. У Данфорда была репутация выдающегося военного офицера, и у меня не было причин сомневаться в этом, ни тогда, ни позже.

* * *

Я внимательно наблюдал за Трампом в течение его почти пятнадцати месяцев на посту президента, и у меня не было иллюзий, что я могу его изменить. Любое количество “моделей” Совета национальной безопасности могло бы быть академически обоснованным, но не имело бы никакого значения, если бы они просто вращались в вакууме, отключенные, восхищаясь собой и восхваляемые СМИ, но фактически не привлекая к себе внимание действующего президента. Я был полон решимости провести дисциплинированный, тщательный процесс, но я бы оценил свою работу по тому, как она на самом деле формировала политику, а не по тому, как посторонние сравнивали ее с предыдущими администрациями.

Из этого анализа вытекло несколько решений. Во-первых, персонал СНБ (примерно 430 человек, когда я пришел, 350, когда ушел) не был мозговым центром. Его про-